

ТЕОРЕТИКО-ПРАВОВОЙ СИНТЕЗ ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В ЭПОХУ АНТИЧНОСТИ

С. Г. Соловьев,

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного, административного и муниципального права ЮУрГУ

Рассматриваются некоторые аспекты соотношения общества и государства в эпоху античности. Выделяется проблема определения роли личности в системе полисной организации.

Ключевые слова: общество, государство, личность, право, свобода.

Системный анализ научных представлений эпохи античности, связанных со смысловой и структурно-функциональной характеристикой общества и государства, осуществляется с последующим синтезированием обобщений и выводов, а также комплексной оценкой моделей и процессов взаимодействия вышеназванных феноменов.

Понятия «общество» и «государство» в качестве символов сопровождают человеческую цивилизацию с момента ее возникновения. Люди создают государство для защиты своих важнейших прав (прежде всего права на жизнь, свободу, собственность). Государство берет на себя обязательство заботиться о своих гражданах, охранять их от внешних посягательств и выступать судьей в процессе решения возникших конфликтов.

Рассматривая эволюцию общества и его соотношение с государством, следует отметить, что свое наиболее яркое отражение эти процессы получили в трудах античных мыслителей. По мнению С. А. Дробышевского, «уже в Древней Греции и в Древнем Риме сформировалось и получило юридическое закрепление мнение о том, что вне государства и права существование общества невозможно»¹. Немецкий ученый Хеффе полагает, что в Древней Греции (главным образом в Афинах) происходит то, что нам, современным исследователям, уже давно кажется чем-то само собой разумеющимся, однако «со всемирно-исторической точки зрения является экстраординарным. Законы и сами формы государства здесь перестают просто приниматься на веру, их начинают обдумывать и в случае обнаружения их излишней строгости или несправедливости отклонять»².

В древнегреческом обществе укрепляется мысль о существовании правовых установлений, которые не зависят от человеческого произвола, авторитета власти, любых договоренностей. Античные философы начинают

отличать «право по закону» от «права, справедливого по природе»³. Возникает такая перспектива видения правового общественного порядка и власти, которая возвышается, с одной стороны, над ограниченностью племенных, традиционных установлений, а с другой – над авторитетом власти. Подобное восприятие государственно-правовой жизни в свою очередь принимает форму антитезы должного и сущего. При этом право рассматривается уже не столько как некая объективная ценность, мотив, сколько как императив, общеобязательное веление, правило человеческой деятельности.

По нашему мнению, для адекватной реконструкции античных представлений о гражданской общине (*civitas*) необходимо учитывать, по крайней мере, два момента. Первый, свойственный всем древним народам, заключается в убеждении, что «личность – часть общества, что общество включено в природу, а природа – лишь проявление божественного». Второй связан с феноменом античного полиса, представляющего собой гражданскую общину (наименьшую из всех государственных форм), мыслимую древними греками (и римлянами) в качестве единственно возможной формы человеческого общения.

Переход к полисной организации общества, по мнению ряда древнегреческих и древнеримских авторов, произошел путем заключения людьми друг с другом договора об установлении определенных отношений в рамках единой политико-правовой системы.

Вместе с тем, рассматривая процесс формирования полиса, многие мыслители относились к этой социально-политической организации с критических позиций и не принимали ее создание за панацею от всевозможных бед, подстерегающих человека в процессе эволюции. Напротив, по их мнению, после того как род человеческий «и царство, и границы установил, воздвигнул города, ... со-

всем забытая с земли бежала богиня справедливости, отринув нравы дикие людей и оскверненные убийством руки; и жажда войн росла, и голод злата, и роскошь, эта ласковая язва, по всей земле распространилась»⁴.

Таким образом, в условиях античности закладываются идейно-теоретические предпосылки двух основных направлений в рассмотрении проблемы соотношения общества и государства. В рамках первого направления государство рассматривается как орган, необходимый обществу для защиты субъективных прав и свобод, которыми обладают его рядовые члены; в рамках второго направления государство характеризуется как механизм ограничения индивидуальных волеизъявлений силой закона, причем ограничения не всегда носят справедливый с точки зрения соответствия правовым идеалам характер.

Несмотря на подобную поляризованность в оценке проблем, касающихся возникновения и сущностного содержания полисной организации, античные авторы единодушны в том, что касается определения места и роли гражданина в полисе. По их мнению, существование индивида вне полиса попросту невозможно (вне полиса живут лишь боги и звери). Не случайно само понятие «полис» имело в греческом языке, из которого оно перешло в языки современных европейских народов, три различных значения: 1) город; 2) государство; 3) гражданская община.

Платон представлял модель идеального государства следующим образом: «... даже игры детей должны... соответствовать законам, потому что, если они становятся беспорядочными и дети не соблюдают правил, то впоследствии невозможно вырастить из них серьезных законопослушных граждан». По сути, Платон, ориентируясь на миниатюрный античный полис, впервые обрисовал теоретическую модель тоталитарного политического режима.

Исходным постулатом Платона являлось не достижение индивидуальной свободы человека, а обеспечение тотальной свободы – свободы государства в его совокупности, целостности, неделимости.

Принцип равенства в толковании Платона означает, что каждый человек в идеальном государстве занимает именно то место, для которого он рожден⁵. На первый взгляд, данный тезис противоречит самой идее равенства. О каком равенстве может идти речь, если люди от рождения разные, т.е. не равны уже

по своим задаткам и способностям и, как следствие, по тем должностным полномочиям, на которые они в силу своих потенциальных возможностей могли бы претендовать? Однако для Платона никакого противоречия здесь нет. Он в свою очередь задает своим предполагаемым оппонентам вопрос: нужно ли предоставлять гражданину совершенного государства право занимать в нем любые должности, если он не имеет для этого соответствующих способностей и попросту не справится со своими обязанностями в случае внутреннего несоответствия занимаемой должности? По мнению мыслителя, допустить подобное стечение обстоятельств ни в коем случае нельзя. Права всех граждан совершенного государства ограничены их реальными возможностями, и именно в этом смысле они равны. «Если бы Платон задумал написать конституцию своего государства, – пишет В. В. Сапов, – то соответствующий ее пункт гласил бы: «Правителем государства может быть любой гражданин, но только в том случае, если у него есть способность к этому виду деятельности». В целом с данным положением трудно не согласиться. Действительно, профессионализм является важнейшим принципом замещения должностей во всех звеньях государственного аппарата. Однако кто же является последней инстанцией, способной дать однозначный ответ о пригодности индивида осуществлять те или иные полномочия? У Платона критерий для оценки этих особенностей находится вне самого гражданина. Общество и государство рассматриваются мыслителем в качестве тождественных явлений и понятий, «государство представляется ему большим человеком, а человек – маленьким государством»⁶.

Однако проведение этого исходного принципа в конкретную теорию обнаруживает массу существенных противоречий. Например, в диалоге «Государство» Платон указывает, что государство возникает и существует ради удовлетворения потребностей людей в пище, одежде, жилище и т.п.⁷ Очевидно, что эти материальные (говоря современным языком) потребности и связанные с ними отношения между людьми существовали до возникновения государства и продолжают оставаться относительно самостоятельными после его образования. Не соблюдается в государстве Платона и принцип равенства всех перед законом. По мнению мыслителя, «правителям государства надлежит применять

ложь как против неприятеля, так и ради своих сограждан, для пользы своего государства, но всем остальным прибегать к ней нельзя». Признание того, что в государстве существуют люди, не подчиняющиеся государственным законам, само по себе говорит о том, что власть государства не безгранична. Кроме того, Платон вынужден признать, что и в рамках одного сословия «люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна». Следовательно, несмотря на стремление Платона регламентировать государственно-правовыми средствами все проявления жизни людей и сословий, ему все же не удается достигнуть этого в полной мере. В конечном счете, за пределами всевластия государственных институтов остается целый ряд разновидностей человеческих отношений. Задача огосударствления всех сторон жизни общества оказалась тщетной даже в «полицейском», «казарменном» государстве Платона.

Своеобразную интерпретацию концепция взаимодействия гражданина и полиса получила в трудах софистов. В отличие от Платона, софисты были убеждены в том, что любой человек может стать политиком. Софисты противопоставляли человеческую природу (фюсис) и закон (номос). Именно природа (одинаковая у всех граждан полиса) делает человека «мерой всех вещей»⁸. Причем таковой мерой человек является независимо от его положения в обществе. Однако рассмотрение человека в качестве своеобразного эталона, применительно к которому рассматриваются все происходящие события, вовсе не означает признания индивидуального правового статуса личности. В конечном счете, мерой справедливого и прекрасного выступает античный полис, объединяющий свободных и равных граждан. По Протагору, каждому городу представляется справедливым и прекрасным то, что он таковым считает⁹.

Интересным в данном тезисе является не только отождествление представлений о справедливом и выгодном для государства, но и обоснование морально-правового характера самой полисной организации. Государство, по Протагору, – не замкнутый эллинский полис, ни даже афинская морская держава. Протагор, по утверждению исследователей его творчества, является одним из основоположников представления о демократическом государстве как о категории, имманентно свойственной всему человечеству¹⁰.

На наш взгляд, деятельность софистов в целом можно охарактеризовать как особое направление в греческой общественной мысли – социологическое и просветительское по преимуществу. Пафос научной доктрины софистов состоял в утверждении первенствующей и все определяющей роли человеческого разума; в этом смысле их творчество было венцом развития античного рационализма.

В. С. Нерсисянц видит в софистах первых светских теоретиков политэтии – правового устройства государства, оказавших огромное влияние на процесс последующего развития политико-правовой мысли. Традиционный для античной мысли вопрос о соотношении общества-государства (целое) и человека-гражданина (часть) содержится и в аристотелевской теории. Но при его решении Аристотель не принимает однозначных выводов Платона и в значительной мере преодолевает его государственный абсолютизм (целое, по Аристотелю, полностью поглощает часть). Вместе с тем мыслитель не разделяет и концепцию софистов, стремившихся утвердить примат субъективно индивидуального начала над объективным, целым. Считая, подобно Платону, государство в конечном счете субстанциональным, главным, Аристотель «чувствовал, что государство, будучи положительной субстанцией, необходимой организацией и реализацией практического духа, осуществляется посредством субъективной деятельности» членов сообщества.

В эпоху эллинизма, когда Греция становится частью Македонской империи, а затем Римской державы, постепенно уходит в прошлое идеал полиса как самостоятельной и самодостаточной формы гражданского общежития. С этим в значительной степени связан кризис полисной коллективистской идеологии, согласно которой мерой свободы человека является его принадлежность к гражданской общине (городу-государству). При этом ценность человека как разумного существа определялась его гражданством. Теперь же человек признается ценным сам по себе, независимо от того, является он гражданином государства или нет. Соответственно идеал свободы как коллективного права сменяется идеалом индивидуальной свободы. Естественно, речь не идет еще об обретении человеком самостоятельности и независимости в юридическом смысле этих понятий. Персонализация личности затрагивает лишь духовную, нравственную сферу¹¹.

Так, для Эпикура справедливость, законы, государство оказываются результатом соглашения «о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда». Цель такого соглашения (договора) – обеспечение общей пользы как взаимной безопасности. Во имя безопасности и должны исполняться государственные законы. Однако, как добавляет Эпикур, при этом законы призваны гарантировать свободу как моральную, духовную независимость мудрецов, оберегая их душевный покой и осознанный социальный, политическую индифферентность¹². Таким образом, государство в концепции мыслителя выступает в качестве средства обеспечения всеобщей безопасности и индивидуальной свободы наиболее совершенных в моральном отношении личностей (мудрецов), их независимости от суетных бытовых и политических тревожений¹³.

Необходимо отметить, что присущие Эпикуру мотивы аполитичности вовсе не означают его полного политического индифферентизма. Концепция договорного происхождения справедливости по своему социально-политическому смыслу носила ярко выраженный демократический характер, поскольку ни один из участников соглашения не имел каких-либо привилегий перед другими.

Значительный вклад в становление и развитие политико-правовой науки внесли древнеримские мыслители, которые наследовали, сохранили, систематизировали и развили многие идеи и концепции греческих ученых. История римского государства, прошедшего путь от крошечного полиса до мировой державы, богата разнообразными событиями, которые на протяжении веков давали и сегодня дают богатейший материал для анализа политических процессов¹⁴. Благодаря деятельности юристов Рим получил блестяще разработанную правовую систему, охватывающую не только сферу имущественных, но и политических отношений. Неслучайно философско-правовые идеи выдающегося римского мыслителя, оратора, политика Марка Туллия Цицерона о правовом характере государства, о государстве как «общем правопорядке» и правовом сообществе, о естественном праве, справедливости и истинном законе, сохранив свою актуальность до настоящих дней, продолжают привлекать пристальное внимание многочисленных современных исследователей – сторонников доктрины правовой государственности, интерпретаторов естественно-го права и справедливости в качестве необхо-

димого критерия позитивного права и различения в соответствии с этим справедливых и несправедливых законов¹⁵.

Таким образом, именно концепция свободы коренным образом отличала теорию Цицерона от философии Платона и Аристотеля, противопоставляющих свободу и «разумное правление» и считавших, что лучше не стремиться к свободе, а довольствоваться сильной властью, предусмотрительно приспособленной к тому, чтобы делать людей счастливыми.

Обобщая изложенное, следует отметить, что у древних греков и римлян еще не сложилось, да и не могло сложиться представления об автономности личности (в правовой сфере), об индивидуальной свободе. Свобода понималась ими как общий правопорядок, а права граждан являлись производными от него и не имели самостоятельного значения. Спокойствие в обществе поддерживалось законом, так как только «при господстве хороших законов человек спокойно ложится спать и спокойно просыпается». Но поскольку реализация закона возможна лишь в полисе, то только полис, а не отдельный человек является самоценностью. В отношении отдельного человека в античной политико-правовой мысли доминирует идея личного гражданского (и одновременно морального) долга, а не личного права.

¹ Дробышевский С. А. Политическая организация общества и право как явление социальной эволюции. Красноярск, 1995. С. 8.

² Хеффе О. Политика, право, справедливость. М., 1994. С. 3.

³ Бергер А. К. Политическая мысль древнегреческой демократии. М., 1996. С. 207.

⁴ Нерсисянц В. С. Политические учения Древней Греции. С. 230.

⁵ Черниловский З. М. Общество: опыт исследования // Государство и право. 1992. № 6. С. 142.

⁶ Платон. Государство. Собр. соч. М., 1990. Т. 3. С. 84.

⁷ Там же. С. 433.

⁸ Гиляров А. Н. Греческие софисты, их мировоззрение и деятельность в связи с общей политической и культурной историей Греции. М., 1891.

⁹ Асмус В. Ф. Античная философия. М., 1976. С. 128.

¹⁰ Платон. Протагор. Собр. соч. М., 1990. Т. 1. С. 327.

¹¹ Фролов Э. Д. Очерки античной общественной мысли. Л., 1981. С. 153.

¹² Нерсисянц В. С. Философия права. М., 1995. С. 412.

¹³ Андреев Ю. В. Раннегреческий полис. Л., 1976. С. 115.

¹⁴ Политические учения: история и современность. М., 1976. С. 148.

¹⁵ Цицерон. О Государстве. Диалоги. М., 1994. С. 22–25.